

Оба замолчали, и Сунь Цэ вдруг выдавил:

— Гунцзинь, что у тебя на душе в самом деле...

Чжоу Юй поспешно сменил тему:

— Ой, уже поздно, я нездоров, нужно лечь пораньше.

На следующий день около полудня Чжоу Юй проснулся. Посмотрев в окно, он с ужасом понял, что уже полдень. Чжоу Юй в панике начал одеваться: вчерашние донесения не дочитаны, утренняя тренировка войск тоже пропущена — что же теперь делать?

Оглянувшись, Чжоу Юй увидел, что Сунь Цэ всё еще крепко спит, и с беспокойством вспомнил, как этот человек вообще оказался в его постели. Впрочем, так даже лучше — не придется идти к нему в комнату и будить. Швырнув в лицо Сунь Цэ сандалию, Чжоу Юй заставил его вскочить с криком:

— Убийца!

Чжоу Юй выругался:

— Какой к черту убийца, вставай быстрее.

Он открыл дверь, и Чжоу Хань с тазом для умывания наперевес тут же затараторил:

— Господин проснулся, раб поможет вам умыться.

Чжоу Юй оборвал его:

— Какое теперь умывание, уступай дорогу, мне нужно в военный лагерь.

Чжоу Хань торопливо ответил:

— Не нужно, господин, генерал Хань Дань и господин Лу Су уже закончили тренировку.

Чжоу Юй озадаченно спросил:

— С чего это они вдруг...

Чжоу Хань, занеся таз, шагнул в комнату и пояснил:

— Сегодня чуть свет они пришли на прием к господину Суню, и раб велел им сперва идти на плац.

Чжоу Юй бросил взгляд на Сунь Цэ и только мысленно вздохнул: этому главному господину было совершенно всё равно, он снова дрых без задних ног.

Во второй половине дня Сунь Цэ лично занялся войсками, а Чжоу Юй продолжил разбирать военные донесения. Над всем Лияном взметнулись знамена Армии семьи Сунь, и с этого момента начался долгий, продолжавшийся целый год период управления и созидания. Население и экономика Лияна росли стремительными темпами, и в мгновение ока наступила вторая половина месяца, предшествующая глубокой зиме и кануну Нового года.

В эти дни местные богатые семьи одна за другой отправлялись в Резиденцию префекта с подарками и визитами почтения. Среди них выделялся один влиятельный род по фамилии Лю: будучи родственниками прежнего префекта Лияна, они страшно боялись, как бы Сунь Цэ не прознал об этом и не перебил их всех, а потому поспешили заранее явить свою преданность.

В большом зале Лю Е дрожащим на коленях стоял перед правителем, а позади него покорно опустились на колени десять юных девушек. Возле ног девиц громоздились подносы с золотом. Сунь Цэ лениво полулежал в кресле префекта, закинув согнутую левую ногу на подлокотник и выказывая всем своим видом законченного гуляку; в руке он лезвием о кусок ткани неторопливо протирал короткий нож.

Лю Е украдкой бросал на него взгляды, обливаясь семью потом, и непрерывно кланялся, говоря дрожащим голосом:

— Ничтожный... зовут меня Лю Е... я и впрямь родственник того префекта, но отношения с ним у меня самые холодные...

Сунь Цэ недобро улыбнулся:

— Раз братец Лю привел с собой столько девиц, с каким же умыслом?

Лю Е поспешно ответил:

— Это лишь малая толика искренности в дар господину Суню, а еще тысяча лянов золота в помощь войскам.

Сунь Цэ убрал короткий нож, поднялся на ноги и с улыбкой произвел:

— Отлично. Эй, стража, заберите золото в казну.

По зову вошли несколько воинов и унесли золото. Лю Е робко осведомился:

— А... а как же девицы?

Сунь Цэ перевел взгляд на сидевшего рядом Лу Су и с прежней наглой усмешкой бросил:

— Цзицзин, все они жалуются тебе в награду.

В тот же миг все девушки подняли головы с крайне недовольным выражением лиц. Лу Су онемел от досады: этот сорванец снова принялся над ним измываться! Пусть даже господин ценит его и любил подшутить, Лу Су тоже дорожил своей репутацией.

Он поспешно запротестовал:

— Господин, у меня дома уже есть жена, к тому же я не обладаю ни добродетелью, ни талантами, чтобы принимать столь драгоценный дар. Прошу господина взять свои слова назад.

Сунь Цэ расхохотался и махнул рукой:

— Ладно, ладно. Раздай их по две Хань Даню, Чэнь Хэну, Чжу Чжи и Люй Фаню, пусть сами выберут, а оставшихся, Цзицзин, забирай к себе домой, пусть служат твоей супруге.

С этими словами Сунь Цэ собрался уходить. Лю Е в панике окликнул его:

— Разве господину они не нужны? Если господину угодно, у меня в поместье найдутся еще...

Сунь Цэ бросил через плечо:

— Не нужно, за усердие благодарю.

И вышел. Девицы были ужасно разочарованы: изначально они рвались сюда изо всех сил в надежде прислуживать Чжоу Юю, на худой конец — остаться при Сунь Цэ, а в итоге им достанется лишь прислуживать воякам. И кто знает, кому так не повезет — сгинуть простой служанкой без надежды стать даже законной женой.

Не обращая внимания на ропот девиц, Лю Е лишь приказал:

— Ведите себя тихо. Хотите сытно есть и сладко пить — знайте свое место и прислуживайте

генералам как положено.

После этого Лю Е оставил девушек в Резиденции префекта, а сам вернулся в собственное поместье. В дальнейшем торговые дела Лю Е уже не подвергались придирам со стороны Армии Сунь, и он радовался собственной сообразительности, сумев откупиться деньгами и женщинами.

Когда слуги военачальников разобрали восьмерых девушек, остались еще две — вполне милovidные, обеим исполнилось по восемнадцать лет. Лу Су шагнул вперед и сказал:

— Вы остались одни, пойдёте со мной.

Обе девушки пали на колени и взмолились:

— Помилуйте, господин! Мы шли сюда в расчете прислуживать Чжоу Гунцзиню или господину Суню, кто же знал, что господин Сунь и вовсе не смотрит на нас, простых дочерей из хороших семей. Мы, сестры, решительно не желаем быть рабынями и служанками, умоляем вас, отпустите нас на все четыре стороны.

Лу Су оставалось только горько улыбнуться: услужать Гунцзиню они согласны, а Цзицзиню — нет?

Он махнул рукой:

— Ладно, ступайте. И впредь даже не думайте приближаться к господину Суню, возвращайтесь домой и найдите себе хороших мужей.

Девушки земным поклоном отблагодарили Лу Су за великую милость и впопыхах бросились к задней калитке.

Однако у самого выхода одна из них сказала другой:

— А я не хочу уходить. Я ведь даже не видела господина Чжоу Гунцзиня.

Вторая испуганно возразила:

— Ой, уходим же скорее, иначе нас убьют! Если узнают, что мы сбежали самовольно, еще и того господина подведем под удар.

Эту девушку, отказавшуюся уходить, звали Ляньи. Она оттолкнула руку подруги и заявила:

— Хочешь — беги сама, а я, если сумею добиться милости Чжоу Гунцзиня, буду купаться в роскоши до конца дней.

С этими словами она повернула назад в Резиденцию префекта, и второй девушке пришлось спасаться бегством в одиночку.

Петляя по коридорам Резиденции префекта и избегая дозоров стражи, Ляньи наконец заметила на одной из резных балок табличку с надписью: Чжоу Гунцзинь.

В восторге толкнув дверь, она вошла внутрь. Никого не было. Оглядев убранство комнаты, Ляньи нашла его в несколько раз превосходящим её собственный дом. Налюбовавшись каллиграфией и свитками Чжоу Юя, Ляньи спряталась за ширму в ожидании хозяина.

Глубокой ночью Чжоу Юй вернулся в свои покои насквозь пропитанный винным перегаром. То ли от усталости из-за бесконечных военных дел, то ли от выпитого лишнего ему хотелось только рухнуть и уснуть. Он повалился на кровать, поленившись даже раздеться. Ляньи украдкой наблюдала за ним из укрытия: всё в точности как в легендах — изящная стать, прекрасное лицо.

Ляньи выскользнула из укрытия, тихонько приблизилась к Чжоу Юю, сняла верхнюю одежду с него и с себя и легла рядом. Проснувшись утром, он поневоле решит, что в пьяном угаре обесчестил девушку, и тогда, глядишь, ее карьера пойдет в гору.

Но не прошло и половины палочки благовоний, как дверь неожиданно распахнулась и вошел Сунь Цэ. Увидев эту картину, он так и замер на пороге.

В ужасе Ляньи вскочила и рухнула на колени. Разбуженный шумом Чжоу Юй тоже медленно приоткрыл глаза. Сдерживая себя, Сунь Цэ холодно осведомился:

— Насколько я помню, ты — женщина, преподнесенная Лю Е. Какого черта ты здесь делаешь?

Протерев глаза, Чжоу Юй удивленно спросил Сунь Цэ:

— Что здесь происходит?

Ляньи затараторила первой:

— Ничтожная зовется Ляньи. Изначально меня должны были отправить в поместье господина Цзицзина, но тот велел мне прислуживать господину Гунцзиню. Ничтожная лишь хотела помочь господину Гунцзиню сменить одежду и лечь отдохнуть, кто же знал, что пьяный господин Гунцзинь начнет распускать руки... и даже...

Тут Ляньи залилась горькими слезами:

— Сирота при живых родителях, ничтожная лишь хотела войти в поместье служанкой на кусок хлеба, а теперь лишилась чести, и мне больше незачем смотреть в глаза матери...

Досказав, она бросилась головой на угол стола. Сунь Цэ молчал, а Чжоу Юй подскочил и перехватил ее за плечи, приговаривая:

— Девушка, не совершайте глупостей. Раз Гунцзинь обидел вас, он принесет свои извинения, просите чего угодно.

Добившись своего, Ляньи опустила на колени и сквозь слезы запричитала:

— Ничтожная уже давно восхищается господином Гунцзинем. Раз господин Гунцзинь завладел моим телом, я дерзну просить его взять меня в жены — хоть наложницей, хоть служанкой, ничтожная готова следовать за господином всю жизнь.

Уголки губ Сунь Цэ изогнулись в презрительной усмешке: что ж, оставалось только поздравить эту парочку идиотов. Он резко развернулся и вышел, со злостью хлопнув дверью. Стоявший в стороне Чжоу Хань испуганно кинулся к нему:

— Господин, на этот раз из-за чего вы гневаетесь?

Сунь Цэ зыркнул на Чжоу Ханя и с издевкой бросил:

— Поздравляю твоего господина, он на днях женится.

С этими словами Сунь Цэ удалился в свои покои. Озадаченный Чжоу Хань заглянул в комнату: Чжоу Юй в растерянности сидел на краю постели, а перед ним рыдала полураздетая девушка. Чжоу Хань осторожно спросил:

— Господин, неужели вы и впрямь собираетесь жениться на этой девушке?

Чжоу Юй оборвал его:

— Не болтай глупостей...

Услышав это и решив, что Чжоу Юй отказывается брать ее в жены, Ляньи разревелась еще громче.

Чжоу Юй совершенно не представлял, что делать, и снова принялся утешать девушку:

— Не плачьте, девица. Помимо этого требования, Гунцзинь исполнит любое другое.

Чжоу Хань допытывался:

— Что вы с ней сделали, господин...

Ляньи снова заголосила во всю мочь, и Чжоу Юй прикрикнул на слугу:

— Хватит допытываться!

Захлебываясь слезами, Ляньи выдавила:

— Раз господин Гунцзинь брезгует ничтожной, а чести больше нет, мне остается только умереть!

И она снова попыталась покончить с собой. Чжоу Юю не оставалось выбора, кроме как пообещать:

— Я возьму тебя, возьму. Только не вздумай накладывать на себя руки, быстро одевайся!

Чжоу Хань отвисла челюсть. Ляньи вскочила на ноги и с сияющим видом принялась одеваться. Увидев это, Чжоу Хань тут же ретировался:

— Пожалуй, раб пойду покараулю снаружи.

Когда Чжоу Хань удалился, Ляньи под села к Чжоу Юю:

— Позвольте вашей служанке помочь мужу сменить одежду и лечь спать.

Однако Чжоу Юй с абсолютно беспристрастным лицом поднялся на ноги, не позволив Ляньи даже прикоснуться к себе, открыл дверь и бросил:

— Не нужно. Отдыхай здесь, а до завтрашней церемонии бракосочетания мы будем спать в разных комнатах.

И решительно вышел наружу.

Шагая взад-вперед у порога, Чжоу Юй лихорадочно соображал: в памяти не осталось ни малейшего следа того, что он действительно оскорбил эту девицу. По логике вещей, такого просто не могло быть. Заметив неподалеку Чжоу Ханя, Чжоу Юй подлетел к нему и схватил за

грудки:

— Ты ведь неотлучно стоял у двери? Как ты прозевал появление девицы?

Чжоу Хань с глуповатым видом забормотал:

— Э-э, понимаете... раб отлучался по нужде, должно быть, она проскользнула как раз в это время.

Чжоу Юй толкнул его:

— И что мне с тобой делать? Приспичило же тебе отлучаться по нужде!

Чжоу Хань жалобно протянул:

— Но раб же не мог не справить нужду...

Чжоу Юй допытывался дальше:

— А разве ты не слышал никаких звуков из моей комнаты? Если бы она и впрямь подверглась нападению с моей стороны, разве стала бы она молчать и не кричать?

Чжоу Хань ответил:

— Таких звуков, как при господине Суне, точно не было... Ой, если девица изначально заглядывалась на господина, могла ведь и не кричать, всякое бывает.

Чжоу Юй замер на секунду, а затем яростно взревел:

— Какая от тебя польза?!

Втянув голову в плечи, Чжоу Хань пробормотал:

— Во всяком случае, раб ничего не слышал.

Чжоу Юй толкнул дверь в комнату Сунь Цэ и увидел, что тот сидит на краю кровати и выпивает. В прежней надменной позе: согнутая нога уперта стопой в край ложа, суровый профиль прекрасен и лих, а когда он запрокидывал голову, капли вина скатывались по шее прямо за воротник — от одного этого зрелища у любого зашлось бы сердце.

Сунь Цэ бросил на Чжоу Юя косой взгляд, кивнул на второй кувшин с вином на столе, предлагая присоединиться, и Чжоу Юй послушно взял его, уселся рядом и тоже сделал несколько глотков. Молча, глоток за глотком, они пили, пока кувшины не опустели.

Слегка захмелевший Сунь Цэ уставился на Чжоу Юй и, отбросив пустой сосуд в сторону, спросил:

— Ты и впрямь обидел эту девицу?

Чжоу Юй покачал головой:

— Гунцзинь не помнит.

Сунь Цэ раздраженно бросил:

— Тогда женись на ней. Не женишься — поползет дурная молва, пострадает твоя репутация. А я грязи не терплю...

Чжоу Юй уставился на него:

— Гунцзинь был пьян и действительно не ведает, было ли что на самом деле.

Сунь Цэ повторил:

— Вот именно, ты был пьян, а после пьянки — творится всякое...

Не успел Сунь Цэ договорить, как Чжоу Юй перебил его:

— Гунцзинь считает, что ничего не было.

Сунь Цэ нахмурился:

— Ты в себе так уверен?

Чжоу Юй умолк. Сунь Цэ поднялся на ноги и с презрением окинул его взглядом:

— В конце концов, дуду — всего лишь смертный человек. Кто устоит перед столь соблазнительной красавицей?

Чжоу Юй возмутился:

— Вот если бы все обладали такой же железной выдержкой, как господин!

Не успел Сунь Цэ продолжить пикировку, как дверь резко распахнулась и вошел Чжоу Хань, втаскивая за собой сопротивляющегося Лу Су.

Чжоу Юй нахмурился, Сунь Цэ тоже нахмурился, и оба рявкнули в один голос:

— Чжоу Хань, кто тебе разрешил входить?

Чжоу Хань поспешно оправдался:

— Раб пекся о благе обоих господ! Господин Лу Су, извольте сами.

Под пристальными взглядами всех присутствующих Лу Су зажал нос пальцами и лишь спустя добрую минуту выдавил:

— Ну и разит же вином...

Чжоу Хань и Чжоу Юй разом сникли, словно проколотые пузыри. Сунь Цэ резко вскочил, вцепился в воротник Лу Су и потребовал:

— Выкладывай живо, с какой стати ты подсунул эту девицу Гунцзиню?

Не торопясь, Лу Су пояснил:

— Подчиненный изначально собирался отвезти обеих девиц в свое поместье, но те наотрез отказались и взмолились отпустить их. Пожалев несчастных, я позволил им уйти: сам пошел парадным путем, а они — с тыла. Кто бы знал, что одна из них, выбежав, снова столкнется со мной и сболтнет, будто вторая направилась к Чжоу Гунцзиню. Подчиненный подумал, что нынче вы пьянствуете с господином, и дело пахнет керосином! Испугавшись до смерти, я, хотя уже добрался до собственного порога, развернулся и помчался сюда во весь опор. У ворот управы повстречал Чжоу Ханя, который как раз собирался идти за мной, ну мы и заявили вместе.

Сунь Цэ нахмурился:

— И что с того? Ты лишь доказал, что не дарил девицу Гунцзиню, но это не доказывает, что он ее не взял.

Лу Су нашелся что ответить не сразу. Чжоу Хань со страхом глядел на своего господина, а сам Чжоу Юй лихорадочно вспоминал, касался ли он вообще этой женщины.

Видя, что лица у всех помрачнели и атмосфера накалилась, Лу Су заставил себя успокоиться и хорошенько обдумать выход из положения. Вдруг его лицо озарилось радостью:

— У подчиненного есть план, который наверняка поможет господину докопаться до правды.

На следующее утро, когда Чжоу Юй вошел к себе, Ляньи нетерпеливо бросилась к нему:

— Любимый пришел, Ляньи готова к свадебному обряду.

Чжоу Юй неловко улыбнулся:

— Ляньи, тут такое дело... Мать говорит, что даже в случае наложницы непременно требуется... ну, чтобы невеста была чиста девой, так что взять тебя сможем разве что в служанки.

Услышав это, Ляньи пришла в ужас: служанкам положено лишь мыть ноги, а она метила в законные хозяйки дома! С видом оскорбленной невинности она тут же запричитала:

— Но ведь ничтожная уже принадлежит господину, в этом смысле я ничем не отличаюсь от девственницы!

Чжоу Юй возразил:

— Э-м... но нельзя же доказать, что до меня у девицы не было других мужчин.

Ляньи задыхнулась от возмущения. Чжоу Юй развернулся, распахнул дверь и произнес:

— Если девица не способна представить доказательств того, что до меня никто не срывал ее цветок, прошу пожаловать на выход.

Залившись слезами от обиды, Ляньи выпалила:

— Я и сейчас чиста! Если не верите, пусть позовут повитуху для проверки, ведь прошлой ночью у нас с господином Гунцзирем вообще ничего не было!

— Вот как... — Сунь Цэ, Лу Су и Чжоу Хань синхронно вынырнули из-за угла коридора: они поджидали в засаде, дожидаясь, пока Ляньи сама во всем признается.

Позади Сунь Цэ толпилось множество военачальников и солдат. Громко объявив остальным, Сунь Цэ произнес:

— Все здесь присутствующие отчетливо слышали: эта женщина сама призналась, что между ней и Гунцзинем ничего не было!

Толпа в один голос подтвердила:

— Все слышали!

Усмехнувшись, Сунь Цэ обратился к Ляньи:

— А чтобы рассеять любые сомнения в честности девицы, я пригласил самую известную в Лияне повитуху, дабы засвидетельствовать твою девственность.

Тут же в комнату вошли три старые повитухи, а Чжоу Хань быстренько притащил ширму и загородил вход в покои. Чжоу Юй и Чжоу Хань вышли наружу, оставшись по ту сторону ширмы.

Старшая из повитух обратилась к Ляньи:

— Не взыщи, девица.

Ляньи завизжала:

— Пустите меня, пустите, старые калоши!

Буквально через мгновение повитухи вышли со словами:

— Мы провели осмотр, эта девица и впрямь чиста девой.

Сунь Цэ отдал приказ:

— Вышвырните ее вон.

Воины влетели в комнату и поволокли Ляньи наружу, а та продолжала проклинять:

— Чжоу Гунцзинь, бессердечный пес, чтоб ты издох!

Чжоу Юй остался абсолютно глух к ее крикам. Ляньи завопила еще пуще:

— Чжоу Гунцзинь, Сунь Бофу, вы оба — сукины дети...

В разгар ругани из толпы неожиданно вылетел молодой человек, с диким криком выхватил меч и по рукоять вогнал клинок в живот Ляньи. Не успели окружающие даже осознать произошедшего, как он с усилием выдернул лезвие обратно. Выпучив глаза и глядя на залитый кровью живот, Ляньи рухнула на землю и постепенно затихла.

Сунь Цэ едва удержался от улыбки, но всё же изобразил скорбное лицо:

— Эй, унесите и похороните, поставьте безымянную плиту.

Затем он повернулся к юноше:

— Назови свое имя.

Молодой человек опустился на одно колено и чеканным голосом отрапортовал:

— Младший генерал, Люй Мэн.

Сунь Цэ с довольной улыбкой произродил:

— С какой стати братец Люй прикончил эту девицу?

Люй Мэн поднял голову, и теперь все смогли разглядеть на редкость ладного молодца. Люй Мэн прямо заявил:

— Назвавшись домом из порядочной семьи, она не блюла ни женской добродетели, ни сыновней почтительности, охотно шла в служанки, своевольно проникала в покои мужчины, раздевалась и ложилась спать, лгала напропалую, а не добившись взаимности, посмела публично оскорблять великого дуду. Вместо того чтобы позволить такой твари распускать слухи и порочить дуду повсюду, пусть лучше я, Мэн, обеспечу ей мемориальную доску за верность.

Поразмыслив, Сунь Цэ нашел это рассуждение весьма здравым и велел стоявшему рядом писарю:

— Мм... немедленно вывесить на городских стене объявление: эта женщина преследовала господина Гунцзиня, но, получив отказ, в отчаянии покончила с собой; пожаловать посмертно титул добродетельной и верной девы.

Переведа взгляд на Люй Мэна, Сунь Цэ добавил:

— Любезный соратник отважен и разумен. Назначаю тебя Чжунланцзяном, с сего дня поступаешь в подчинение к господину Лу Цзицину в качестве заместителя, под твое начало переходит отман воинов.

Люй Мэн поспешно ответил поклоном:

— Благодарю за милость господина!

Благодаря расклешенным повсюду объявлениям, интерес горожанок к талантам и внешности Чжоу Гунцзиня разгорелся с новой силой. Девушки подходящего возраста наперебой рвались в Резиденцию префекта служанками и артистками, а знатные девицы из богатых родов принялись осаждать отцов с требованиями сосватать их за него. Прохожие лишь качали головами, сетуя, что нынешняя молодежь потеряла всякий стыд: толпы девиц средь бела дня осаждали Резиденцию префекта только ради того, чтобы мельком увидеть Чжоу Юя и Сунь Цэ, — просто бесчинство какое-то. Стоило обоим хоть на секунду показаться у ворот, как девушки принимались оживленно шептаться, а то и визжать от восторга. Однако, опасаясь повторения прежних скандалов, Сунь Цэ и Чжоу Юй наотрез отказывались пускать девиц в резиденцию.

Нижние чины один за другим подавали доклады о том, что народное недовольство растет: независимо от того, разрешают ли девицам вход в особняк, простолюдины вовсю ропщут и распускают кривотолки. Не имея другого выхода, Сунь Цэ издал указ: отныне разрешалось принимать на работу в Резиденцию префекта — для помощи по хозяйству, стирки и уборки — лишь совсем юных девочек или пожилых женщин из бедных, нуждающихся семей.

<http://bllate.org/book/22340/2340634>